

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 228

Къ № 228

Воскресенье, 19-го октября 1903 года.

О киргизской женщинѣ.

Продолженіе, см. № 222.

Грамотныя киргизки представляютъ рѣдкое исключеніе. Все обученіе киргизской дѣвушки сводится къ заучиванію молитвъ при помощи родителей или муллы. Въ первые годы жизни дѣвушка заучиваетъ эти молитвы подъ руководствомъ муллы вмѣстѣ съ мальчиками, но затѣмъ киргизы не считаютъ уже возможнымъ допускать совмѣстное обученіе. Иногда обучаютъ киргизку и чтенію, письму же учатъ чрезвычайно рѣдко. Киргизское письмо съ арабской транскрипціей буквъ нелегкое искусство и съ точки зрѣнія киргиза совершенно бесполезно для женщины.

Невѣста—киргизка при обычномъ положеніи вещей не знаетъ и не видала своего жениха до тѣхъ поръ пока она не подрастетъ лѣтъ до 13—15 и родители не допустятъ состояться первому свиданію. Бываетъ, что это первое свиданіе происходитъ, когда невѣста и женихъ совсѣмъ дѣти лѣтъ 8—9.

Первое свиданіе происходитъ уже по уплатѣ по крайней мѣрѣ половины калыма.

При дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду такое свиданіе, при которомъ женихъ и невѣста достигли брачного возраста или приближаются къ нему.

На первое свиданіе женихъ ѣдетъ съ дѣлой свитой и везетъ подарки. Женихъ и его спутники живутъ въ аулѣ невѣсты или недалеко отъ него нѣсколько дней, причемъ женихъ старается не показываться родителямъ невѣсты и якобы тайно отъ нихъ имѣетъ съ нею свиданіе.

Свиданія эти происходятъ ночью, для чего женихъ тихонько пробирается въ юрту будущаго тестя и проходитъ за занавѣску, за которой ждетъ его невѣста.

Родители ея дѣлаютъ видъ, что имъ ничего неважно.

Первое свиданіе у киргизъ сопровождается привозомъ болѣе или менѣе цѣнныхъ подарковъ и разными церемоніями, послѣдующія же свиданія происходятъ проще; достаточно привезти что нибудь незначительное изъ матерій, чтобы задобрить женщинъ родственницъ невѣсты, которыя не оказали бы какихъ либо препятствій къ свиданію. И во время послѣдующихъ свиданій женихъ старается не показываться родителямъ невѣсты и какъ бы тайно отъ нихъ посѣщаетъ ее. Таковъ обычай, который имѣетъ свое естественное объясненіе. То обстоятельство, что свиданія эти происходятъ якобы тайно отъ родителей объясняется какъ пережитокъ времени, когда женщины похищались и ихъ родители были самыми заклятыми врагами похитителя, такими врагами, отъ которыхъ прятаться весьма естественно.

Иногда эти тайныя свиданія тянутся 4—5 лѣтъ, обыкновенно пока не выплатится весь

калымъ и не состоится послѣ того брачное торжество, когда дѣвушка должна будетъ покинуть родительскій аулъ.

Если женихъ умереть до свадьбы, то киргизскій обычай требуетъ, чтобы невѣста его вышла замужъ за брата покойнаго, преимущественно холостого или за одного изъ родственниковъ его по боковой линіи.

Женщина, за которую вносится калымъ, становится какъ бы вещью и достояніемъ купившаго ее рода.

Точно также ежели невѣста умереть до замужества, то вмѣсто нея выдается замужъ ее сестра или одна изъ родственницъ ея, конечно, при наличности таковыхъ, и калымъ возвращается лишь въ случаяхъ отсутствія. Размѣръ возвращаемаго калыма зависитъ отъ того, были ли у жениха съ невѣстой свиданія.

Обычай замѣнять умершихъ жениха или невѣсту другими, нужно разсматривать, какъ на-

дой приличный по состоянію подарокъ. Свекру же своему молодая не показывается обыкновенно до рожденія перваго ребенка. Если же обстоятельства позволяютъ жить невѣстѣ въ отдѣльномъ отъ свекра помѣщеніи, то она не показывается ему никогда. Таковы требованія обычая.

При встрѣчѣ со свекромъ невѣстка должна закрываться хотя бы просто рукой. Современные киргизы думаютъ, что этимъ способомъ невѣстка выражаетъ свекру свое уваженіе. Подобное объясненіе совершенно неправильно. Этотъ обычай, существующій и у другихъ некультурныхъ народовъ этнографы—соціологи объясняютъ какъ пережитокъ старины. Дѣло въ томъ, что до возникновенія полигамическаго, т. е. многоженнаго и затѣмъ моногамическаго т. е. одноженнаго брака, похищаемая и затѣмъ покупаемая женщина становилась принадлежностью всего рода. Главныя права на нее имѣлъ конечно, старшій. Затѣмъ при эволюціи брака, при стремленіи для женщины сдѣлаться предметомъ такъ сказать индивидуальнаго обладанія, стали практиковаться разные способы уклоненія отъ власти старшаго въ родѣ, и между прочимъ сокрытіе отъ него.

Такимъ образомъ, киргизка дѣлается женой и принимаетъ участіе въ веденіи хозяйства. Киргизъ, какъ и всѣяи некультурный человѣкъ, очень лѣнивъ, и потому на свою жену, по праву сильнаго, онъ взваливаетъ массу работъ. Киргизка должна доить кобылицъ, коровъ и овецъ, дѣлать кумысъ, готовить кушанья, заниматься шитьемъ одежды, выдѣлкой кожъ, тканьемъ армячины, приготовленіемъ топлива изъ навоза, собираніемъ его постановой юрты и даже не рѣдко засѣдываніемъ лошади для своего мужа и подсаживаніемъ его на сѣло.

Конечно, у богатыхъ киргизъ, гдѣ есть работники и работницы, уходъ за скотомъ и многія домашнія работы исполняются ими, хозяйка лишь наблюдаетъ и руководитъ.

Когда нѣтъ гостей, то киргизка является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ равноправной мужу и остальнымъ членамъ семьи, принимаетъ пищу за однимъ столомъ съ мужемъ, дѣтьми и односельчанами. Когда же къ мужу пріѣдутъ гости или вообще постороннія, то положеніе женщины рѣзко измѣняется. Киргизка тогда не допускается къ общему столу, хотя бы она была уже преклоннаго возраста и даже матерью домохозяйки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщина даже не показывается гостямъ, если въ числѣ ихъ находится почетныя пожилыя лица.

Въ прежнее время киргизъ имѣлъ надъ женой такъ сказать право жизни и смерти. За дурное поведеніе киргизъ могъ даже убить жену и окружающіе считали это вполне естественнымъ. Съ теченіемъ времени, въ особенности подъ влияніемъ русскихъ законовъ, произошло нѣкоторое смягченіе правотъ, хотя и нынѣ случаются факты жестокаго истязанія киргизокъ мужьями,—факты, которые не возмущаютъ окружающіхъ.

Обычай запрещаетъ киргизкѣ произносить имя своего мужа. Этнографы видятъ въ этомъ

Рѣчка Кадринъ.

слѣдѣ прежнихъ временъ. Для рода, покупающаго женщину, была безразлична почти женская личность, требовалась только женщина извѣстнаго рода, притомъ конечно женщина брачного возраста.

Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ обычай не исключительная принадлежность киргизъ. Нѣтъ, въ этнографической литературѣ имѣется масса указаній на существованіе такого обычая и у многихъ другихъ народовъ разныхъ странъ.

При совершеніи современнаго киргизскаго брака дѣло не обходится обыкновенно безъ молитвъ муллы, которымъ можетъ быть всякій грамотный киргизъ, умѣющій читать коранъ.

При заключеніи брака устраивается пирество въ аулѣ отца невѣсты, затѣмъ невѣсту везутъ въ аулъ жениха, куда отправляется и приданое ея. Тамъ опять происходитъ пиръ, размѣры котораго зависятъ отъ степени зажиточности. Устраивается байга, т. е. бѣгъ на лошадахъ, разныя игры, состязанія какъ напримѣръ борьба и проч. Невѣсту въ аулъ жениха сопровождаетъ ее мать, а если она уже покойна, то ближайшая пожилая родственница. Молодая въ первое время не показывается собравшимся роднымъ и гостямъ. Она во время пира скрывается за занавѣской. Могутъ ее видѣть лишь родственники жениха. Черезъ нѣкоторое время обычай позволяетъ видѣть молодую свекрови, за что послѣдняя должна сдѣлать моло-

одно из доказательств, что и киргизы, как и другие народы ишли в прошлом поландрическую форму брака, когда женщина, как жена, принадлежала не отдельному мужчине, а нескольким мужчинам или принадлежала всему роду. Киргизам ннѣ извѣстенъ разводъ. Онъ обуславливается или взаимнымъ согласіемъ супруговъ или нежеланіемъ мужа имѣть при себѣ жену или нежеланіемъ жены жить съ мужемъ.

Дѣти при разводѣ почти всегда остаются при отцѣ. При разводѣ по взаимному согласію жена получаетъ отъ мужа небольшую часть своего приданого. Разводъ по одностороннему желанію мужа не требуетъ, чтобы онъ объяснилъ причины, по которымъ онъ не желаетъ жить вмѣстѣ съ женой. Она въ этомъ случаѣ получаетъ незначительную часть приданого или ничего не получаетъ, потому что обыкновенно причиной развода является или ея дурное поведение или полное неумѣнье вести хозяйство. Совсѣмъ въ недавнее время жена не могла требовать развода ни въ какомъ случаѣ.

Если умираетъ мужъ, когда жена его уже пожилая женщина, то она становится болѣе или менѣе самостоятельной хозяйкой, если управление имуществомъ не можетъ перейти къ дѣтямъ ея по ихъ молодѣтву. Если же дѣти уже взрослые, то имущество покойнаго переходитъ къ нимъ. Жена киргиза не имѣетъ права хоть бы на часть имущества покойнаго мужа, какъ, напримѣръ, у насъ русскихъ по дѣйствующимъ законамъ, предусматривающимъ такъ называемую вдовью указную часть, равняющуюся $\frac{1}{4}$ движимаго и $\frac{1}{5}$ части недвижимаго имущества покойнаго.

Если же послѣ умершаго киргиза осталась жена еще не пожилая, то обычай требуетъ, чтобы она вышла замужъ за роднаго брата покойнаго, хотя бы онъ былъ уже женатъ. Ранѣе обычай этотъ проводился въ жизнь очень послѣдовательно, причемъ не останавливались даже предъ насильственными мѣрами! Нынѣ обыкновенно дѣйствуютъ путемъ утѣщанія или допущенія компромиссовъ. Вдовѣ, не пожелавшей выйти замужъ за деверя, предоставляется иногда избрать мужа среди его родственниковъ. Этотъ обычай, т. е. обычай выхода за брата покойнаго мужа извѣстенъ въ наукѣ подъ названіемъ левирата (отъ латинскаго слова levir т. е. деверь) и существуетъ онъ не у однихъ киргизовъ, а и у другихъ мало культурныхъ народовъ. Обычай этотъ существовалъ и у евреевъ, что извѣстно изъ библіи нашихъ предковъ—славянъ.

Если смотрѣть на женщину съ точки зрѣнія некультурнаго человека, т. е. какъ на вещь, купленную родомъ, то происхождение левирата станетъ понятнымъ.

Если овдовѣвшая молодая киргизка захочетъ выйти замужъ за посторонняго по влеченію своего сердца, то родные покойнаго мужа не дозволятъ этого сдѣлать. Если же она убѣдится, и выйдетъ замужъ тайно, то ей не только не дадутъ ничего изъ приданого, но даже потребуютъ отъ новаго мужа ея калымъ за нее. Это объясняется тѣмъ, что у киргизовъ приданое принадлежитъ собственно потомству жены т. е. роду мужа и женщины, принесшая приданое, имѣетъ право только на самую незначительную часть его—на нѣкоторыя вещи изъ одежды и украшеній.

Киргизка не имѣетъ наследственныхъ правъ въ имуществѣ отца. Послѣ смерти его имущество переходитъ къ его сыновьямъ. Они же получаютъ за сестру калымъ, но они же и обязаны дать за нею приданое.

Число вещей, на которыя киргизка при жизни мужа имѣетъ право собственности ограничивается вошебнымъ платьемъ ея, кольцами, перстнями, браслетами, серьгами и принесенными ею въ приданое постельными принадлежностями. Но и этими вещами она можетъ распоряжаться лишь съ вѣдома и согласія мужа. Послѣ смерти мужа киргизка обязана по обычаю носить траурную повязку въ течение извѣстнаго срока и не выходить замужъ въ течение года. Этотъ срокъ нынѣ сокращенъ до 100 дней.

Напротивъ смерть жены не налагаетъ траура ни на мужа, ни на дѣтей, точно также нѣтъ срока и для новой женитьбы.

Киргизка-„молодуха“ верхомъ.

Внутренность киргизской юрты.

Послѣ смерти киргизки устраиваются болѣе или менѣе торжественныя поминки по ней лишь въ томъ случаѣ, если умерла мать юртовладѣльца. На поминки по женѣ самый богатый киргизъ не издержитъ болѣе 100 рублей.

Поминки же по умершемъ мужчине, въ особенности по отцѣ, у киргизовъ обязательны и нѣрѣдко богачи тратятъ на нихъ по нѣскольку тысячъ рублей, устраивая гомерическое пищество, длняеся нѣсколько дней и сопровождаемое призывными обѣдами на лошадяхъ.

Киргизка не имѣетъ никакого вліянія на общественную киргизскую жизнь, ея мнѣнія по общественнымъ дѣламъ никто даже не спрашиваетъ и этими дѣлами она, можно сказать, даже не интересуется.

Въ заключеніе для характеристики отношенія киргизъ къ женщинамъ я приведу еще свѣдѣнія о размѣрахъ штрафовъ по обычному киргизскому

праву за преступныя дѣянія, совершенныя относительно киргизки.

По обычному праву киргизъ, лицо, совершившее преступленіе, должно вознаградить потерпѣвшаго или его ближайшихъ родичей. Штрафъ за малозажныя дѣянія называется алтъ, а за лишеніе жизни или увѣче называется кунъ.

Штрафъ за убійство простаго взрослого киргиза исчисляется по обычному киргизскому праву въ 100 лошадей и 6 верблюдовъ, а за убійство женщины требуется лишь половина. За увѣче глаза или руки мужчины штрафъ равенъ 50 лошадямъ и тремъ верблюдамъ, а за увѣче глаза или руки женщины назначается половина.

Такимъ образомъ, съ киргизской точки зрѣнія женщина считается какъ бы получело вѣкомъ.

Резюмируя все сказанное, необходимо признать, что положеніе киргизской женщины весьма незавидно. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдаются отклоненія отъ этого общаго правила, но такіе отдѣльные факты не могутъ сгладить общаго печальнаго фона картицы и являются лишь признаками эволюціи, совершающейся въ обычно—правовой сферѣ, эволюціи вполнѣ естественной съ социологической точки зрѣнія.

Кажется не подлежитъ спору, что чѣмъ выше у какой либо народности общественное положеніе женщины въ смыслѣ личныхъ правъ, тѣмъ культурнѣе и мужская половина этой народности, такъ какъ главной воспитательницей подростующихъ поколѣній является всетаки женщина. Гдѣ женщина раба, гдѣ самостоятельность ея доведена до minimum'a, тамъ и мущина при всей его подчасъ личной храбрости, является всетаки рабомъ въ душѣ, опутаннымъ крѣпкой сѣтью предрасудковъ безъ критическаго къ нимъ отношенія.

Наблденія надъ киргизской жизнью подтверждаютъ высказанное соображеніе.

Остается пожелать, чтобы въ киргизскую среду проникло побольше гуманыхъ культурныхъ людей; а этого возможно достигнуть скорѣе всего путемъ открытія хорошаго обставленныхъ школъ съ интеллигентнымъ учительскимъ персоналомъ.

Хорошая школа не замедлила бы оказать вліяніе на улучшеніе положенія киргизской женщины, а это улучшеніе составляетъ, конечно, искреннѣйшее желаніе всѣхъ истинно—культурныхъ людей.

Ал. Голосачевъ.

Киргизка въ народной поэзіи.

Киргизское народное преданіе, кажется, не знаетъ образа, подобнаго нѣмецкимъ валькиріямъ или нашимъ русскимъ поленицамъ. По крайней мѣрѣ, въ самомъ большомъ собраніи образовъ киргизскаго народнаго творчества, составленномъ г. Радловымъ, нѣтъ ничего напоминающаго этихъ воинственныхъ нѣмецкихъ или русскихъ дѣвъ. Въсѣ того въ киргизскомъ преданіи не разъ встрѣчается восхитительный образъ нѣжнолюбящей женщины, преданной своему другу до готовности пожертвовать за него свою жизнь. Эта особенность находится, можетъ быть, въ связи съ мирнымъ характеромъ киргизскаго народа. Киргизъ Чоканъ Валихановъ въ своихъ разсказахъ о своихъ сородичахъ называлъ ихъ народомъ пастуховъ; это, по его увѣренію, сказывается въ ихъ костюмѣ и во всей ихъ обстановкѣ. Киргизъ ходитъ не въ узкомъ, затянутомъ чекменѣ съ патронами на груди, а въ просторномъ, неуклюжемъ халатѣ; онъ не обшивается кинжалами и пистолетами; рука его

знает только „суиль“ т. е. жердь съ петлей, которую он ловить лошадей; ею же он отбивается и отъ разбойниковъ и враговъ. Правда, киргизскіе батареи иногда ходили въ набѣги на соседнія страны для грабежа и захвата полона, но киргизская жизнь не была такъ исключительно поглощена разбоемъ и набѣгами, напримѣръ какъ у арабовъ и туркменъ.

Предѣльная киргизская легенда связана съ одной рѣчкой, находящейся къ югу отъ г. Акмолы, на самой границѣ Голодной степи. Рѣчка называется Ата-су, „отцовская вода“; можно перевести также: „слезы отца“. Дочь богатого киргиза полюбила киргизскаго юношу, который былъ красивъ, но бѣденъ; звали его Чокъ. Молодые люди хотѣли бы вступить въ бракъ, но отецъ дѣвочки былъ противъ этого союза; онъ желалъ бы выдать дочь за богатого. Молодые люди рѣшили бѣжать и ночью они побѣжали на сѣверъ; утромъ отецъ хватился дочери, догадался и пустился по слѣдамъ въ догону. Когда онъ приблизился къ бѣглецамъ на выстрѣлъ изъ лука, онъ остановился, наложилъ стрѣлу на тетиву и спустил ее. Дочь своевременно замѣтила, что отецъ готовится стрѣлять, бросилась къ Чоку и своимъ тѣломъ заслонила его. Стрѣла угодила ей въ сердце и она умерла на любимыхъ рукахъ. Чокъ положилъ тѣло на землю, а самъ отбѣжалъ въ сторону и поднялся на соседнюю скалистую горку. Отецъ подѣхалъ къ тѣлу дочери, и когда увидѣлъ, что она погибла безвозвратно, съ отчаяніемъ, что онъ собственной рукой убилъ любимую дочь, съѣлъ возлѣ нея и заплакалъ; слезы были такъ обильны и продолжительны, что образовалась цѣлая рѣчка; волны подняли тѣло несчастной и понесли мимо той горки, на которой стоялъ Чокъ. Проплывая мимо горы, мертвое тѣло сказало: „Прощай, Чокъ!“ (Чокъ, аман!). И съ той поры сопочка эта называется Чокъ-аманъ, а рѣчка „отцовскими слезами“, Ата-су.

Преданіе о Чокѣ и его подругѣ извѣстно только въ ближайшихъ мѣстностяхъ къ рѣчкѣ

Ата-су, но есть другое киргизское преданіе, также содержащее въ себѣ трагическую исторію сильной женской души и также приуроченное къ извѣстной мѣстности (къ одной древней постройкѣ на берегу р. Агузъ въ Семипалатинской области), которое пользуется широкой популярностью и распространено повсюду, гдѣ только раздается киргизская рѣчь. Это повѣсть о любви Козу-Курпеша къ красавицѣ Баянъ-Слу. Повѣсть начинается разсказомъ о дружбѣ двухъ богатей Кара-бая и Сары-бая; друзья всегда кочевали вмѣстѣ. Однажды Кара-бай отправился одинъ на охоту; онъ увидѣлъ на степи самку оленя, подкрался къ ней, при готовѣ уже выстрѣлить, но замѣтилъ, что оленуха беременна, и подумалъ, что у него дома оставлена беременная жена, не будетъ ли грѣхъ убить животное при такихъ обстоятельствахъ. Онъ раздумалъ стрѣлять и поднялся съ земли. Въ этотъ же самый моментъ по другую сторону звѣри неожиданно поднялся съ земли его другъ Сары-бай. „Ты какъ здѣсь?“ — спрашиваетъ Кара-бай и Сары-бай отвѣчаетъ: „Я увидѣлъ оленя, хотѣлъ стрѣлять, но замѣтилъ, что это беременная самка, а у меня дома беременная жена; я смутился и рѣшилъ оставить звѣря въ живыхъ“. — А вѣдь и я по той же самой причинѣ отказался отъ выстрѣла, сказалъ Кара-бай. Друзья увидѣли въ этомъ случаѣ указаніе судьбы и порѣшили, если у нихъ родятся мальчики, сдѣлать ихъ братьями, если дѣвочки — сестрами, а если родятся дѣти разныхъ половъ, то переженить ихъ. У Кара-бая родился сынъ Козу-Курпешъ, у Сары-бая дочь Баянъ-Слу. Мальчикъ и дѣвочка были объявлены женихомъ и невѣстой. Но

пока росли дѣти, Кара-бай умеръ; вдова по смерти мужа разошлась и дошла до такой бѣдности, что ей было не подъ силу кочевать вмѣстѣ съ Сары-баемъ. Дружественныя семейства разстались. Сары-бай уководилъ далеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ аулъ вдовы Кара-бая, забывъ свой договоръ съ другомъ и просваталъ свою дочь за Кодара. Вдова Кара-бая воспитывала своего сына въ полномъ невѣдѣніи, что у него есть нарѣченная невѣста.

Однажды аульные дѣти играли на степи въ бабки и Козу-Курпешъ принималъ участіе въ ихъ игрѣ. Онъ какъ-то такъ неудачно швырнулъ свою бабку, что она угодила въ голову старухи, которая сидѣла около юрты и прjala шерстяную нитку. Старуха сердито проговорила:

Киргизка за ткацкимъ станкомъ.

посра и подала сыну. Козу-Курпешъ схватилъ ей руку и такъ зажалъ ее между своими ладонями, что расклевенное просо начало жечь пальцы матери. Нестерпимая боль заставила женщину выдать тайну что у него есть нарѣченная невѣста Баянъ-Слу, дочь богатого человѣка Сары-бая.

Козу-Курпешъ оставляетъ родной аулъ и идетъ искать аулы Сары-бая. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ паслись бараны Сары-бая, онъ поимѣялся ролью и платемъ съ пастухомъ, пасшимъ барановъ Сары-бая. Онъ сбросилъ съ себя свое платье и надѣлъ купъ, т. е. стезонку изъ бараньей шерсти, какія носятъ бараны киргизскіе пастухи; когда наступилъ вечеръ, онъ погналъ стадо съ пастбища въ аулъ. Баянъ-Слу и другія женщины по обыкновенію вышли на встрѣчу стаду; пригнали его, Козу-Курпешъ началъ привязывать дойныхъ овецъ къ овцевязи, а женщины разсѣлись по стаду съ кожанными подойниками и принялись доить; доила вмѣстѣ съ ними и красавица Баянъ-Слу. Въ то время, какъ Козу-Курпешъ углубился въ свою работу, конь, къ которому онъ незамѣтно приблизился, ударилъ его въ голову копытомъ; Козу-Курпешъ упалъ въ безпамятствѣ; женщины внесли его въ юрту Баянъ-Слу; тутъ она имѣла случай близко разглядѣть молодого человѣка и полюбила его. Съ этой поры дни онъ проводилъ въ ущельяхъ со своими баранами, а ночи въ юртѣ у Баянъ-Слу. У молодыхъ людей завязалась дружба.

У Баянъ-Слу была тетка, которая то же влюбилась въ Козу-Курпеша, но ея домогательства не имѣла успѣха и она рѣшила отомстить молодому человѣку; она разсказала Кодару, что у него есть счастливый соперникъ. Съ этого момента положеніе Козу-Курпеша стало опаснымъ; ему угрожала гибель отъ руки Кодара; онъ бѣжалъ и спрятался въ лѣсу. Кодаръ и тетка Баянъ-Слу искали средства открыть убѣжище Козу-Курпеша. Они не знали, гдѣ онъ скрывается, а Баянъ-Слу получала объ немъ постоянныя извѣстія; гономъ, переносившимъ вѣсти отъ юноши дѣвицѣ и обратно, былъ жаворонокъ. Теткѣ удалось наконецъ открыть это, она поймала птицу и выщипывала изъ нея перья, заставляла выдать тайну. Когда Кодаръ отъ тетки узналъ, гдѣ прячется его соперникъ, онъ позвалъ Сары-бая поѣхать въ лѣсъ. Сары-бай съ большой толпой своей челяди поѣхалъ; когда вѣхали въ лѣсъ и когда Сары-бай увидѣлъ сидящаго на вѣтвяхъ тополя Козу-Курпеша, молодой человѣкъ такъ ему понравился, что у него явилось намѣреніе выдать за него свою дочь, но въ это время вѣхавшій сзади его Кодаръ изъ-за его плеча пустилъ въ Козу-Курпеша стрѣлу и тотъ убитый упалъ на землю. Отецъ привезъ печальную вѣсть дочери и сказалъ, что ей остается теперь одно — примириться съ судьбой и идти за Кодаромъ. Она отвѣтила отцу, что она съ нимъ согласна, но прежде, чѣмъ отдать свою руку Кодару, она должна оплакать котораго любила человѣка. Она взяла сорокъ своихъ подругъ, отправилась въ лѣсъ, гдѣ лежалъ убитый Козу-Курпешъ, поставила на милое тѣло ножъ остриемъ вверхъ, упала на ножъ и умерла. Сары-бай похоронилъ обоихъ въ одной общей могилѣ.

Повѣсть о Баянъ-Слу и Козу-Курпешѣ самая любимая повѣсть у киргизъ; киргизскіе поэты переложили ее въ стихи и она разсказывается и распеваема на вечернихъ собраніяхъ.

Еще благороднѣе рисуется сердце киргизской женщины въ одномъ казахскомъ преданіи, которое я слышалъ въ своей молодости и которое вѣроятно болѣе, чѣмъ на половину, было. Одинъ молодой казакъ попалъ въ плѣнъ къ киргизамъ; его обратили въ рабство, и заставили пасти барановъ; чтобы онъ не бѣжалъ, надрѣзали ему

Киргизскій аулъ. Выдѣлка кошмы.

„Выросъ какой оболтусъ, пора бы искать нарѣченную невѣсту, а онъ съ малыми дѣтскими бабками забавляется!“ Эти слова заинтересовали Козу-Курпеша, онъ пошелъ въ юрту къ матери и сталъ допрашивать ее, справедливы ли слова старухи, что у него есть нарѣченная невѣста. Та увѣряетъ сына, что никакой невѣсты у него нѣтъ.

— Ты отъ меня скрываешь, говоритъ Козу-Курпешъ. — Есть!

Но мать такъ таки и не открыла ему своей тайны. Тогда Козу-Курпешъ придумалъ хитростью вынудить ее сказать правду.

— Матъ! дай мнѣ чего-нибудь поѣсть! — проситъ онъ.

Въ это время въ котѣ жарилось просо. Женщина голой рукой зачерпнула горсть горячаго

платки, вложили въ надръзы щетину и заростили, а на ночь надѣвали кандалы. Дочь или жена киргиза, которому казакъ достался по жребію, полюблиа плѣнника; она своими ласками старалась облегчить его участь, но онъ продолжалъ тосковать о свободѣ и о своей родинѣ. Любящая женщина подавала свои эгоистическіе расчеты и помогла ему бѣжать; она приготовила ему двухъ хорошихъ коней, снабдила сѣдломъ и припасомъ, сняла съ него оковы и ночью тайкомъ выпустила въ степь. Казакъ выбѣжалъ на казачью липу.

Для полукультурнаго народа, не имѣющаго письменности, преданіе замѣняетъ литературу. Прослушанное преданіе производитъ такое же вѣдѣніе, какъ на насъ литературное произведеніе и не уступитъ ему въ воспитательной силѣ. Приведенныя киргизскія преданія воспитывали многіа поколѣнія и продолжаютъ воспитывать. Романы, въ родѣ романа Банич-Сау, повторяются и теперь въ киргизской дѣйствительности хотя и не съ такими трагическими концями. Въ вѣдрахъ киргизскаго народнаго духа таятся добрыя начала, которыя впоследствии съ развитіемъ въ степи образованія должны благоприятно отразиться на положеніи киргизской женщины.

П.

Надъ болотомъ.

(Эскизъ).

Продолженіе, см. № 222.

II.

На эти слова угрюмый ничего не отвѣтилъ, хотя красноносый парень раза два пробовалъ его склонить къ продолженію разговора. Онъ проианесъ протіяно „а-а“, но когда на это не послѣдовало отвѣта онъ кашлянулъ, какъ бы говоря, „ну что же отвѣчай!“

Угрюмый вмѣсто отвѣта поднялся и, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ висѣлъ котель, сказалъ:

— Ну давайте ужинать ребята!

Мужикъ, съ платкомъ на головѣ, снялъ котель и налилъ изъ него жидкой каши съ соевыми саломъ въ деревянную чашку. Всѣ четверо дровосѣковъ повеселѣли сразу и, вооружившись ложками, начали хлѣбать кашу, размачивая въ ней ржаные сухари.

— А въ прошломъ году у насъ и такой фды не было, сказали неугомонный красноносый парень.

Остальные фди молча и скоро. Кончивъ фтъ, они сложили ложки въ котель, покрестились и стали собираться спать.

— Однако и его возьмемъ въ балаганъ? спросилъ мужикъ въ платкѣ, указывая на большого... Эхъ вотъ кому не слѣдовало бы отправляться на заработки! У насъ всѣхъ, кромѣ надѣловъ — ничего, а у него отцовскай займъка — пасѣвка... Все бы могъ пробиться до новаго урожая.

Онъ покачалъ головою и началъ осторожно поднимать большого, подложивъ руки ему подъ спину... Угрюмый поднять его за ноги и они осторожно повесели его въ балаганъ.

— Пчелки мои, пчелки!.. пробормоталъ большой...

— Займъку отцовскую вспомнилъ — сказалъ красноносый парень и полѣзъ вслѣдъ за другими въ полузакрытую сосновыми вѣтвями дверь балагана.

Костеръ горѣлъ слабѣе. Мелкія вѣтви уже сгорѣли, только тѣли два положенные другъ на друга стволы сухостойнаго лѣса... На полянѣ, гдѣ былъ расоложенъ балаганъ, сгустились тѣни. Казалось темный боръ приближался къ полянѣ. Черное болото, покрытое рядами косматыхъ кочекъ, стало еще темнѣе. По небу неслись тучи. Тускляя звѣзда гасла въ нихъ, какъ гаснутъ свѣчи въ сырмомъ туманѣ. Гдѣ то далеко, далеко, что то глухо стонало, не то какая то лѣсная птица, не то неизвѣстный житель степей — таежный звѣрь.

Въ балаганѣ стало тихо. Но не всѣ спали въ немъ. Угрюмый Синица, какъ староста артели думалъ о дѣлахъ артели; о томъ отчего не приѣзжаетъ купецъ Артамоновъ и не привозитъ запаса, не броситъ ли по этому случаю работы и пойти въ жилыя мѣста жаловаться на него начальству, каковы то входы хлѣба въ родной

деревнѣ и много-ли придется получить на руки денегъ...

Красноносый парень думалъ о томъ, отчего такъ въ тайгѣ холодно, и сыро и правда ли что на днѣ болота живеть лѣшій, который ночью выходитъ изъ болота, бродитъ по лѣсу и мучитъ спящихъ людей, посылая имъ страшные сны...

— А вѣдъ это правда пожалуй! прошепталъ онъ, кутаясь съ головой въ полушубокъ... Онъ припомнилъ что въ ясные вечера, когда свѣтитъ луна, надъ болотомъ поднимаются какія то бѣлыя тѣни. Къ ночи онѣ все сгущаются, сгущаются, принимаютъ странные формы, шевелятъ какими то длинными щупальцами и ползутъ, цѣпляясь за кусты и косматые гривы кочекъ, обвиваясь вокругъ стволовъ...

Онъ вспомнилъ, что онъ не разъ ясно видѣлъ, какъ эти сѣрыя тѣни обвивались вокругъ черныхъ обгорѣлыхъ шей, торчащихъ изъ болота лѣса, и вдругъ, ему ясно стало, что онѣ такъ же обвиваются вокругъ людей, хватаютъ ихъ за руки и ноги своими щупальцами, впиваются сыростью въ ихъ одежду, тѣло и волосы; только люди не видятъ этого глазами, такъ какъ всегда находятся близко другъ къ другу... Если бы вмѣсто пня стаялъ посреди болота человекъ, то остальные, сидя у костра, могли бы видѣть какъ сѣрыя тѣни охватываютъ его своими холодными мокрыми пальцами, похожими на ножки пауковъ...

Ему стало страшно. Онъ поднялъ голову и всматривался въ темноту. Было темно и тихо, но ему показалось, что въ этой темнотѣ движется что то тяжелое и громадное, ощущаятъ тѣло спящихъ и кладеть свою косматую и холодную руку на грудь большого товарища.

— Пчелки мои пчелки! застоналъ больной Гнѣдому пора дать сѣнца... слышалъ Оеда?

Онъ говорилъ какъ то глухо, точно что то тяжелое, лежащее у него на груди, вѣшаетъ ему говорить и дышать.

И стало ясно красноносому парню, что больной злѣмкъ, Никита Трусовъ, едва ли вернется къ своей женѣ и дѣтямъ, едва ли увидитъ своего гнѣдка и своихъ пчелокъ, за которыми онъ такъ тосковалъ въ этой сырой лѣсной долинѣ, гдѣ солнце не грѣетъ землю, а грѣетъ вершины деревьевъ...

А большому въ это время чувствовалось очень хорошо. Онъ былъ дома на своей пасѣкѣ и говорилъ съ родными о хозяйствѣ. Они съ женой сидѣли на завалинкѣ и солнце свѣтило ярко и грѣло его, обдавая тепломъ, какъ изъ печи. Какъ хорошо было на солнцѣ въ степи, гдѣ нѣтъ угрюмыхъ деревьевъ, крадущихъ у людей и тепло и свѣтъ солнца, нѣтъ болотъ съ обгорѣлыми пнями и кочками, похожими на головы утопленниковъ, нѣтъ сырыхъ тумановъ по вечерамъ, ночныхъ холодовъ, бросающихъ въ дрожь, и глухаго шума тайги...

Ему кажется, что солнце недостаточно грѣетъ и хочется, чтобы оно грѣло сильнѣе и свѣтило ярче... „Какъ хорошо“ — думаетъ онъ, перенесясь опять въ лѣсъ, гдѣ онъ жилъ съ дровосѣками, — „въ такой сырости, сыкости и холодѣ. думать о свѣтѣ и теплѣ!“

Свѣтъ его несеть въ родные степи опять. На займкѣ, гдѣ у него, пасѣка, пахнетъ медомъ и свѣжимъ пчелинымъ хлѣбомъ. Онъ идетъ посмотреть посѣвы и его нога, вмѣсто мягкаго моха и вязкаго болота, встрѣчаетъ твердую и теплую землю. „Да входы хороши! говоритъ онъ. Не будетъ недорода, не надо будетъ идти въ лѣсъ рубить дрова и фтъ ржаные сухари!“

„А ты еще съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ изъ тайги, не парился въ банѣ!“ говоритъ ему жена. Онъ идетъ въ баню, парится вѣникомъ и, вспо- тѣвъ, ложится на кровать и засыпаетъ.

Засыпая, онъ вспоминаетъ, что у него отродились пчелы и надо приготовить новый улей.

— Пчелки мои, пчелки! шепчетъ онъ, засыпая.

III.

Утромъ дровосѣки, по обыкновенію, проснулись рано. Еще туманы, выползшія изъ болота, ключьями висѣли по кустамъ и медленно шевелились надъ обгорѣлыми пнями и кочками, въ ожиданіи восхода солнца.

Заря уже была на небѣ, но ее не было видно за темными стволами лѣса. Тучи разошлись и день обѣщалъ быть яснымъ.

Дровосѣки выползали одинъ за другимъ изъ балагана, умывались болотной водой съ вечера заготовленной въ ведрѣ; молились богу, разду-

вали костеръ и варили чай въ черномъ закопѣломъ чайникѣ.

— Что то холодно! сказалъ Синица, не напиться ли намъ чаю въ балаганѣ?

— У огня ровно бы веселѣе говорить красноносый парень, но его никто не слушаетъ. Чайникъ вносится въ балаганъ и всѣ его обитатели располагаются пить чай; запахъ затхлой воды и распаренныхъ вѣниковъ распространяется по балагану. Дровосѣки наливаютъ чай въ деревянные китайскія блюдца размачиваютъ въ немъ сухари и пьютъ.

— Надо напоить Никиту! говоритъ мужикъ съ неизбѣжнымъ платкомъ на головѣ.

Онъ потихоньку толкаетъ Никиту въ бокъ и говоритъ.

— Никитушка вставай попей чайку! а потомъ погрѣйся на солнышкѣ, когда оно взойдетъ.

Онъ суетъ больному прикрытому полушубкомъ чашку съ горячимъ чаемъ и вдругъ всраживается.

— Господи! Никакъ онъ кончился?...

— Не видишь што-ль! Гнѣвно говоритъ Синица... Открывая полушубокъ. А онъ чашку подь носъ суетъ.

Лицо покойника блѣдно, глаза полуоткрыты; одна рука лежитъ вдоль тѣла, а другая ухватилась за землю и замерла въ предсмертномъ пожатіи.

Красноносый парень смотритъ пристально на лицо покойника и его поражаетъ спокойствіе этого лица. Оно сохранило обычное выраженіе. Ему казалось, что вотъ сейчасъ зашевелится губы и произнесутъ:

— Пчелки, мои пчелки!

И ему показалось невѣроятнымъ все то, что думалъ онъ ночью о лѣшемъ, который выходитъ по ночамъ изъ болота, бродитъ по лѣсу и душитъ спящихъ людей, посылая имъ страшные сны...

Правда ли братцы, что лѣшій душитъ людей... а? говоритъ онъ тихо и смѣется, бессмысленно хихикая.

— Ха, ха, хи... Право такъ говорятъ! И что вы думаете братцы? Ночью я видѣлъ, какъ изъ болота лѣзли какіе то черные кафтаны, а кто въ кафтанахъ — нельзя разглядѣть... то есть лица у нихъ нѣту... ха, ха, хи...

Глаза у парня лихорадочно блестятъ... Зубы стучатъ и подбородокъ дрожитъ, точно онъ что то жуется.

Никто ему не отвѣчаетъ. Мужикъ въ платкѣ коится на болото, гдѣ уже разсѣлся туманъ отъ первыхъ лучей солнца, показавшагося за стѣною сосенъ.

— Ну ребята за дѣло! Закричалъ Синица. Надо похоронить товарища по христиански... Вы двое Степанъ и Петръ идите и выдолбите изъ лѣсныхъ гробъ. Это легче чѣмъ колоть доски...

А мы пойдемъ поглядимъ гдѣ по сушѣ мѣсто... могли копать.

— Худо лежать въ болотѣ! говоритъ красноносый парень... Никто не придетъ на могилу полагать ха, ха, хи... Не пойду копать могилу...

Онъ садится у костра и бессмысленно смотритъ на огонь, щелкая зубами...

А. Юнге.

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

Рѣчка Кадринъ.

Одинъ изъ правыхъ притоковъ Катуня, рѣчка Кадринъ находится наемъ перевоза черезъ Катунь, вѣтнаго подъ названіемъ Каръ-кеу. Берегъ Катуня въ этихъ мѣстахъ между Каркеу и Чемаломъ настолько крутъ и обрывистъ бокамъ, что даже привычные алтайцы избѣгаютъ проѣзда здѣсь и фдутъ окружнымъ путемъ, черезъ верховья р. Сумульты, минуя Катунскіе берега. Здѣсь не только вьючная, но даже и простая лошадь рискуетъ оборваться. Потому, этотъ участокъ Катуня не посѣщенъ ни однимъ географомъ. Даже профессоръ Сапожниковъ, который обыкновенно не смущается трудностями путешествія, не рѣшился проѣхать здѣсь лѣтомъ 1899 года.

Долины рѣки Кадрина и другого притока Катуня рѣки Сумульты почти необитаемы. Человѣкъ заходитъ сюда лишь въ поискахъ за козлами и въ особенности маралами, рога которыхъ цѣнятся высоко на китайскомъ рынкѣ, какъ лекарственное вещество.

И. Т.—чѣ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.